

„Речевая память” языка и спонтанная рекурсия стилистической нормы

ОЛЬГА СЕВЕРСКАЯ*

<https://doi.org/10.25167/stylistyka.28.2019.3>

В статье будут рассмотрены случаи грамматических «неправильностей», достаточно часто встречающихся в современной русской речи, чтобы предположить, что грамматическая и стилистическая, предполагающая выбор адекватного варианта, нормы претерпевают определенные изменения. Для проверки правильности такого вывода стоит обратиться к языковым фактам далекого и недалекого прошлого, чтобы проследить тенденцию изменений и поставить вопрос о сохранении в языковом сознании говорящих «речевой памяти», закрепляющей те или иные состояния языковой системы.

Поскольку речь о *памяти*, логично будет начать с языковых обозначений времени.

В последнее время в речи (как устной, так и письменной) довольно часто встречаются обороты, обозначающие временное следование событий одно за другим: *через время, спустя время / время спустя*, без уточняющих определений (ср.: *через какое-то время, спустя некоторое время, немного времени спустя* и т.п.). Они настолько не соответствуют доминантному варианту с «распространителями», что носителям русского

* <https://orcid.org/0000-0002-6277-9756>, Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, oseverskaya@mail.ru

языка кажутся стилистически ошибочными, в том числе практически стопроцентно воспринимаются как таковые лингвистами¹.

Между тем Национальный корпус русского языка (НКРЯ)² дает немало примеров таких употреблений в речи людей, которых трудно назвать неграмотными.

В XVIII–XIX вв. оборот *через время* в норме использовался для обозначения неопределенного временного промежутка: *Через время все это он узнал и ни от кого прежде, как от меня* [И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни / Части 1–2 (1788–1822)], и это, по-видимому, было связано с хронотопическим, континуальным восприятием времени в его протяженности: *Да позволено будет мне [...] перескакивать, как я хочу, через время и пространство, предупреждать первое и совершенно забывать о существовании второго...* [А. А. Григорьев. Мои литературные и нравственные скитальчества (1862)] (выделения в примерах здесь и далее – мои. О. С.).

В XX в. оборот встречается, в частности, в речи писателей-классиков: *Он как-то муслил, муслил, слепил сигарку кое-как из промокашки, а она не курится. Шлепнул дед сигарку оземь, вдаль уставился, борода у него заходила вверх-вниз, вверх-вниз – тогда-то я и увел из бабушкиного сундука церковную книгу. Дед ее полистал, полистал, посмотрел страшные картинки и испуганно прошептал: «Ташиши обратно, от греха... – и через время смущенно добавил: – Да в ей, в этой божсецкой книжке, и бумага на курево негодная»* [Виктор Астафьев. Последний поклон (1968–1991)]; *В России, как нигде, новизна любой идеи оборачивается через время своим выворотом* [Владимир Маканин. Андеграунд, или герой нашего времени (1996–1997)]; и не только у прозаиков, но и у поэтов: *Не смею доверяться пустоте, / ее исконной, лживой простоте, / в ней столько душ, не видимых для глаза, / но стоит только в сторону взглянуть, / как*

¹ Стилистической ошибкой назвали эти обороты 10 из 10 коллег-языковедов, опрошенных на одной из представительных конференций, проходивших в ИРЯ РАН в 2016 г.

² Иллюстративный материал, используемый в статье, взят из этого ресурса (www.ruscorpora.ru).

несколько из них или одну / увидишь **через время** или сразу [Л. Л. Аронзон. «В пустых домах, в которых всё тревожно...» (1967)]³.

В XXI в. так уже говорят повсеместно. В НКРЯ встречаются примеры из сети: [Новикова, *nick*] **Через время**, когда захотела пересмотреть этот фильм, обнаружила, что почти везде в описании фильма говорится о побеге, а кое-где был описан даже способ побега [Форум: Обсуждение фильма «Побег из Шоушенка» (2009–2011)] и др. Происходящее *через время* отражают, как показывает сетевой поиск, и популярные Atkritk’и: *Бывает, думаешь: «Жаль, что потерял человека», – а **через время** понимаешь, как хорошо, что избавился; и демотиваторы: *Минус одиночества в том, что **через время** начинаешь получать от этого кайф. И просто не пускаешь никого в свою жизнь; **Через время** поймешь ценность каждой встречи.**

Примерно та же картина наблюдается и в отношении оборота *спустя время*, который встречается еще чаще⁴: *Немного **спустя время** еду к ним* [М. П. Загряжский. Записки (1770–1811)]; *Кто идет в лес по малину **спустя время**, тому одно средство: встретил кого с кузовом и отсыть себе в кузовок* [Н. С. Лесков. На ножах (1870)]; *Годков пять поколобродит: апельсины, лимоны... а **спустя время**, смотришь, именные с аукциона продают* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина. Житие Никанора Затрапезного, пошехонского дворянина (1887–1889)]; *Надо помнить, что многие навыки у собак, все равно, как и людей, являются не прямо вслед за примером, а **спустя время**, в которое пример созреет в себе* [М. М. Пришвин. Дневники (1927)]; *Люди ушли и **спустя время** вернулись...* [Саша Соколов. Школа для дураков (1976)]; ***Спустя время** это состояние уже не было новым.* [Евгений Водолазкин. Лавр (2012)] и др.

Вариант же *время спустя* в изолированном употреблении встречается редко, но все-таки отмечен – как в художественной литературе: *И откуда вы, такие, взяли тут? Все отступают, а вы наступаете... То, что ответил ему лейтенант, перед тем как закрыть над собою тяжелую крышку люка, сказать правду, не произвело на Шестерико-*

³ В основном корпусе НКРЯ отражено 79 случаев такого употребления в 55 документах, в газетном – 47 в 45 документах, 5 примеров есть и в поэтическом корпусе.

⁴ В НКРЯ зарегистрировано 102 документа, 136 вхождений.

ва особенного впечатления. Но **время спустя** он вспомнил эти слова отчетливо – и с горьким сожалением, что никогда никому невозможно их повторить: – Запоминай, кореш: Двадцатая армия наступает! Командующий-то у нас Власов Андрей Андреевич. Он же шуток не понимает, все всерьез [Г. Н. Владимов. Генерал и его армия (1994)], так и в прессе: – Как-то товарищ познакомил с Германом Грефом. Летели одним рейсом, разговорились. **Время спустя** от Грефа по почте прислали подарок – книжку Маршалла Голдсмита «Прыгни выше головы! 20 вредных привычек, от которых нужно отказаться, чтобы покорить вершину успеха» [Сергей Федоров: «Доверился другу – и потерял все...» // Спорт-Экспресс, 09.12.2016].

Доминируют, тем не менее, конструкции с определениями *времени* в указании его промежутка: *мало(е), немало(е), (не)долгое, (не)определенное, некоторое, какое-то* и т. д.

Таким образом, можно говорить о «старшей», опирающейся на континуальное восприятие времени, и «младшей», соответствующей временной дискретности, нормах. Переход от одной нормы к другой, по всей вероятности, был мотивирован сменой языковой картины мира, в которой *время* из абстрактного стало конкретным, разделившись на *века, годы, месяцы, дни, часы, минуты, секунды*. Судя по НКРЯ, поворот в языковом сознании произошел примерно в середине XIX века, когда формы *через несколько/сколько-то* или *мало/много времени, некоторое* или *краткое/долгое/длительное/продолжительное время, определенный промежуток* или *год/час/полчаса/минуту времени*, до того единичные, начинают преобладать⁵.

Косвенно об этом переходе свидетельствуют толковые словари, в которых предлог *через* имеет в большинстве толкований *пространственное* значение, а *временное* предстает как производное, например, в «Большом толковом словаре русского языка» С. А. Кузнецова: «ЧЕРЕЗ, предлог. кого-что 1. Указывает на место, пространство, предмет, которые преодолеваются, а также располагаются на другой стороне или с промежутком друг от друга. [...] 6. Указывает на срок, промежуток вре-

⁵ По данным основного корпуса НКРЯ, наиболее частотным оказываются варианты *через некоторое время* и *несколько времени*, на долю которых приходится, соответственно, 3460 и 600 употреблений; среди определенных временных промежутков чаще всего упоминается *час* (34 примера, тогда как *год* и *минута* становятся мерилем *времени* по 1 разу).

мени, по истечении которого, спустя который происходит, совершается, повторяется что-л. или на какие-л. промежутки времени» (БТСРЯ 2008). На пространственное восприятие времени, стоящее за этим предлогом, указывают и современные справочники по психологии⁶.

Что касается предлога *спустя*, то его толкования лишены представлений о пространственности, а иллюстрации употребления говорят, скорее, о временной дискретности: «СПУСТЯ, предлог. кого-что. По прошествии какого-л. времени. С. час двинулись дальше. С. несколько месяцев мы встретились снова. □ (после обстоятельства времени). Только год с. они узнали эту новость. Немного времени с. гости собрались уходить. < Немного спустя, в зн. нареч. Разг. = Немного времени спустя. Немного спустя путники вышли к реке» (БТСРЯ 2008). Синонимами к обороту *спустя время* также называются слова и словосочетания, подразумевающие членимую на отрезки временную последовательность (*немного погодя, позднее/позже, вскоре, впоследствии, с годами* и под.), – за редким исключением: лишь *дальше* и *вслед* в ряду приводимых в словарях синонимов отсылают к архаичным хронотопическим представлениям⁷. В пословицах, собранных и подготовленных в 1853 г. к изданию В. И. Далема, отразились оба взгляда: *Спустя время учиться, что по ушлому гонять; Спустя лето по малину в лес не ходят* (Даль 1989)⁸.

Сервис распределения употреблений по годам показывает, что нормативными сочетания предлогов с не имеющим определений существительным *время* были до первой трети XIX в., затем они постепенно вышли из употребления и резко вернулись в речевой оборот уже в XXI в. – примерно к 2005 г.

И это не единственный пример такого возвратного движения.

Например, как просторечные воспринимаются сообщения от популярной социальной сети: *Г-н (или г-жа) N интересуется о Вас на Facebook*. Обратившись же к НКРЯ, мы найдем десяток-другой примеров того, как

⁶ По их определениям, представлять себе что-то через время значит „иметь линию времени, на которой прошлое, настоящее и будущее находится перед вами”: например, время может быть „пространственно представлено как план на текущий год” (СНП 2003; БПЭ 2007).

⁷ Например, в электронном словаре синонимов В. Н. Тришина (2013) из 29 эквивалентов только 2 имеют пространственно-временное значение.

⁸ Интересно, что впоследствии в толковых словарях как пример употребления предлога *спустя* приводилась только вторая пословица, в частности, в словарях М. И. Михельсона (Михельсон 1896–1912) и Д. Н. Ушакова (Ушаков 1935–1940).

высокообразованные люди, в частности, писатели – Гоголь, Тургенев, – *интересовались о ком-то* или *о чем-то* *здоровье*. А, например, в «Дневнике писателя» Достоевского (1876) мы найдем похвалу спиритам – за то, что «в материальный век *интересуются о душе*».

Все же такая форма редка и относится к старой норме. Раньше вполне можно было интересоваться и *о чем-то*, и *чем-то*. Однако значения у глагола были разными: в первом случае человек хотел что-то узнать, во втором – глубоко погружался в изучение чего-то. В современном русском языке оба значения совпали. И процесс слияния двух значений в одном, как показывает корпус, был постепенным: если в начале XIX века люди *интересовались*, например, *о шахматах*, то в конце его *интересовались* уже *шахматами*. Точно так же *интересовались о знакомых*, *о причинах милостивого внимания к ним августейших особ* или же *о монаршей немилости*, а потом стали *интересоваться друзьями*, *их здоровьем*, *настроением*...

В последнее время в речи наших современников встречаются и другие непривычные словосочетания, например (из подслушанного в телевизионных ток-шоу): *Я счастлива тому, что мне многое удастся, что меня любят и мне есть, кого любить*. А кто-то, наоборот, говорит, что *рад тем, что удача ему во всем сопутствует*. По правилам же нужно *радоваться чему-то* (Лазуткина 2012: 245), а *счастливым* *бытьот чего-то* (Лазуткина 2012: 297)⁹. Однако можно вспомнить народную мудрость: *чем богаты, тем и рады*, и предположить, что так и говорили раньше.

Корпусное исследование даст несколько подтверждающих эту гипотезу примеров. В частности, Бестужев-Марлинский рассказывает, как упрямил генерала Ермолова отпустить плененного и приговоренного к смерти горца: *Я был так рад успехом, что, поблагодаря наскоро главнокомандующего, побежал в палатку, в которой содержался Аммалат-бек* [А. А. Бестужев-Марлинский. Аммалат-бек (1831)]. Или Скобелев в «Рассказах русского инвалида» (1838–1844) описывает отслужившего двадцать

⁹ Впрочем, Е. М. Лазуткина приводит для прилагательного *счастливый* в краткой форме как возможные сочетания с предлогом *в* и одушевленными или отвлеченными существительными в предложном падеже: *Он счастлив в друзьях, в любви и в делах*; *Они были счастливы в родне*; и с теми же существительными в творительном падеже без предлога: *Мать счастлива детьми*; *Я счастлив встречей с тобой* (подчеркнуто автором – О. С.); а также указывает на устарелое употребление краткого прилагательного с существительным в дательном падеже: *Счастлив своей доле* (Лазуткина 2012: 297).

пять лет в артиллерии героя: *Любил беседы, рад был хлебом-солью, не забывал и бедных.* В «Ювенильном море» Платонова (1934) один из героев *вытер слезившиеся от восторга глаза и встал на ноги, будучи рад всеобщей радостью.* Таким образом, форма *рад чем-то* встречалась еще в первой трети XX века, а позже была утрачена.

Творительный же падеж «выжил» не только в идиоме *чем богаты, тем и рады*, но и еще в двух устойчивых выражениях: *рад радостью* и *рад душою*. Поиск указывает, например, на «Отрывки из воспоминаний своих и чужих» Тургенева (1881), там на просьбу «поправить дело» следует ответ: *и рад бы радостью, но как быть?* И таких «*радых радостью*» в русской литературе XIX – начала XX века довольно много. Как и тех, кто *рад душою*. Например, Макар Алексеич в «Бедных людях» Достоевского (1846) попросившему у него в долг – «хоть гривенничек какой-нибудь», отвечал: *рад бы душой, да нет у меня ничего, ровно ничего нет. И рад бы душой – помочь, а как?* – писал Шукшин [Василий Шукшин. *Беседы при ясной луне* (1972–1974)]; *Рад бы душой, да хлеб-то чужой*, – встречается у Гранина [Даниил Гранин. *Искатели* (1954)]. А у Горького можно найти вот какой пассаж с *радостью телом*: *Баба... жуёт и, вытацив пальцем из своего рта жвачку, отправляет её в рот ребёнка. Ребёнок присасывается к её пальцу, раскрывает глаза, закрывает их и урчит... Это, знаете, странный такой голодный звук маленького животного, которое долго хотело есть и вот ест, наконец, – ест и радо всеми фибрами своего тела* [Максим Горький. *Голодные* (1899)].

Подобные примеры подтверждают, что форму *я рад тем, что...* не стоит считать безусловно ошибочной: она, скорее, требует пометы «устарелое».

Что касается отношения к *счастью*, то примеров современного «неправильного» управления в НКРЯ достаточно: *Я счастлив тому, что экспедиция завершилась успешно в такой светлый день, – признался Федор Конюхов эфиопским журналистам* [В Эфиопии Федору Конюхову вручили аксумский обелиск, но скрыли Ковчег Завета // *Комсомольская правда*, 2011.05.12]; *Я счастлив тому, что в моей жизни появляются какие-то общечеловеческие ценности* [Сергей Светлаков: «Ребенок – везская причина, чтобы я чаще бывал дома» // *Труд-7*, 2009.06.18]; *Я чувствовал себя артистом, танцовщиком и был счастлив тому, что нашу пару хвалили* [Виктор Сухоруков: «Актером я был уже в утробе матери»

// Известия, 2006.03.02]; *А теперь я счастлив тому, что новое поколение даже не знает, что такое «выездная комиссия», и весь мир по праву принадлежит Всем* [Евгений Евтушенко приглашает всех в Кремль! // Комсомольская правда, 2002.05.24] и т. д.

Обратившись к НКРЯ, опять-таки можно установить «старшую» норму, к примеру: *Я [...] счастлив тому, что имел личную возможность убедиться, насколько успел в короткое время развиться и укрепиться в своем благосостоянии обширный край, прорезанный железною дорогою, как отрадно мне было видеть несомненные доказательства проявления мирной и дружной жизни русского населения в полосе дороги с китайским населением, как трогательно было мне видеть русских детей, посещавших вместе с китайскими детьми русскую школу в некоторых пунктах* [В. Н. Коковцов. Из моего прошлого (1933)].

Подобные обратные сдвиги есть и в орфоэпической, и в лексической норме.

Например, в последнее время переосмысливается произношение слова *крем*. Так, напомним, называют десерт из взбитых сливок, массу из сливок, масла и яиц для прослойки пирожных и тортов, косметическую смесь жиров и веществ для питания кожи и даже мазь, используемую для чистки обуви. Все это – от французского *crème* ‘сливки’, произносится в языке-источнике через открытое [э]. «Большой орфоэпический словарь русского языка» строг: «к[р’е]м, ! не рек. к[рэ]м» (Каленчук и др. 2012: 321). Но так было не всегда. Например, повар в фильме «Три толстяка» кричит: «*Ну что стоите? Дайте сюда крэмы! Крэ-мы!*», а в «Детях Дон Кихота» мать семейства, косметолог, тщетно ищет пропажу: «*Ребята! Вам не попадалась баночка с крэмом, такая беленькая? – Мы не мажемся!*» (примеры из мультимедийного подкорпуса НКРЯ). Да и писали слово через «э» – НКРЯ дает несколько примеров: «Новости дамского дня» в 1911 г. рекламировали «*туалеты из фиолетового бархата с брюссельскими кружевами цвета крэм*», а Андрей Белый в «Начале века» (1930) писал об арбатской квартире, которая «*корицей и крэм-ванилями веяла*». В последнее время старинное произношение начало стихийно возвращаться в речь наших современников, вот только в пирожные они «кладут» к[р’е]м, а лицо предпочитают мазать к[рэ]мом¹⁰.

¹⁰ В мультимедийном подкорпусе есть примеры такого произношения, соответственно, у А. Абдулова и К. Раппопорт.

Или возьмем глагол *будировать*, который произошел от французского *bouder* «обижаться, дуться, выражать неудовольствие». Именно в этом значении, свидетельствует П. Я. Черных (Черных 2004: I, 117) он и вошел в русский язык примерно в 60-е годы XIX века. Постепенно *будировать* стало значить и «игнорировать, подчеркнуто не замечать, кого-то или что-то бойкотировать». На рубеже XIX и XX веков, что было зафиксировано словарями иностранных слов 1904 и 1911 гг., – не только «сердиться», но и «сердить», а затем – «раздражать, злить», а также появились значения, передаваемые созвучными глаголами *возбуждать*, *побуждать* к чему-то, *будить* какие-то чувства (Черных 2004). В 1924 г. была опубликована заметка В. И. Ленина «Об очистке русского языка», в которой все «на-носное» было объявлено вне закона: «Сознаюсь, что если меня употребление иностранных слов без надобности озлобляет (ибо это затрудняет наше влияние на массу), то некоторые ошибки пишущих в газетах совсем уже могут вывести из себя. Например, употребляют слово “будировать” в смысле “возбуждать”, “гормошить”, “будить”. Но французское слово “bouder” [будэ] значит сердиться, дуться. Поэтому будировать значит на самом деле “сердиться”, “дуться”» (Правда, 1924, № 275). С этого времени глагол практически вышел из употребления (Правда, 1924, № 275). А в словаре Д. Н. Ушакова не только была полностью воспроизведена цитата из заметки В. И. Ленина, но и появилась ремарка: *будировать* – без доп. и кого-что, возбуждать, возмущать против кого-нибудь (*разг. неправ.*), с примером «неправильного» употребления: *Он будирует служащих против начальства* (Ушаков 1935–1940)¹¹.

Глагол вошел в оборот вновь в 1980-е, когда ленинизм был развенчан. И глагол встречается сегодня именно в «неправильных» своих значениях. Журналисты, как показывает НКРЯ, *будируют* читателя, депутаты *будируют* проблемы и вопросы, народ *будируется*, у народа *будируют* определенные *настроения*, оппозиция *будирует против* правительства... Все вернулось на круги своя. Глагол мгновенно повторил историю своего развития. И хотя в большинстве толковых словарей приводится лишь значение «проявлять недовольство, дуться, сердиться», а сам глагол имеет помету «устар.», в «Большом толковом словаре русского языка» С. А. Кузнецова рядом со значением «демонстративно не замечать кого-л.,

¹¹ Между тем во французском, языке-источнике, вполне возможно, например, *bouder contre ventre* – идти *против* желудка.

подчеркивая свое недовольство кем-, чем-либо; сердиться, дуться», соответствующим употреблению *будировать* без дополнения, появляется с пометой «разг.» значение «что возбуждать» (БТСРЯ 2008).

То, что подобных возвратов к «старшей» норме в современной речевой практике немало (и затрагивают они все уровни языковой системы), позволяет поставить вопрос о о сохранении в языковом сознании говорящих «речевой памяти», закрепляющей прежние состояния языковой системы, и назвать это явление спонтанной рекурсией литературной нормы.

Безусловно, нельзя точно определить, почему так опять начинают говорить сейчас: возможно, просто ошибаются, не владея нормой, или следуют обозначившейся в последнее десятилетие речевой моде на «стиль ретро». Но вероятно и то, что язык решил освежить свою «память», активизировать «подсознание» своих носителей и вернуться на круги своя.

Литература

- Большая психологическая энциклопедия* (БПЭ): более 5000 психологических терминов и понятий, 2007, ред. А. Б. Альмуханов и др., URL: <http://psychology.academic.ru/> (31.10.2018).
- Большой толковый словарь русского языка* (БТСРЯ), 2008, ред. С. А. Кузнецов, URL: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (31.10.2018).
- Даль В. И. , 1989, *Пословицы русского народа*, URL: <http://dslov.ru/txt/t81.html> (31.10.2018).
- Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф., 2012, *Большой орфоэтический словарь русского языка. Литературное произношение и ударение начала XXI века: норма и ее варианты*, Москва.
- Лазуткина Е. М., 2012, *Словарь грамматической сочетаемости слов русского языка*, Москва.
- Михельсон М. И., 1896–1912, *Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний*, т. 1–2, URL: http://dic.academic.ru/contents.nsf/michelson_new/ (31.10.2018).
- Национальный корпус русского языка* (НКРЯ), URL: www.ruscorpora.ru (31.10.2018).
- Тришин В. Н., 2013, *Большой русский словарь синонимов ASIS*, URL: <http://trishin.net/> (31.10.2018).
- Ушаков Д. Н., 1935–1940, *Толковый словарь русского языка: в 4-х томах*, URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (31.10.2018).
- Черных П. Я., 2004, *Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т.*, т. 1, Москва.

References

- Bol'shaya psikhologicheskaya entsiklopediya (BPE): boleye 5000 psikhologicheskikh terminov i ponyatiy*, 2007, red. A. B. Al'mukhanov i dr., <http://psychology.academic.ru/> (31.10.2018).
- Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka (BTSRYA)*, 2008, red. S. A. Kuznetsov, <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts/> (31.10.2018).
- Dal' V. I., 1989, *Poslovitsy russkogo naroda*, <http://dslov.ru/txt/t81.html> (31.10.2018).
- Kalenchuk M. L., Kasatkin L. L., Kasatkina R. F., 2012, *Bol'shoy orfoeticheskii slovar' russkogo yazyka. Literaturnoye proiznosheniye i udareniye nachala XXI veka: norma i yeye varianty*, Moskva.
- Lazutkina Ye. M., 2012, *Slovar' grammaticheskoy sochetayemosti slov russkogo yazyka*, Moskva.
- Mikhel'son M. I., 1896–1912, *Russkaya mysl' i rech'. Svoye i chuzhoje. Opyt russkoy frazeologii. Sbornik obraznykh slov i inoskazaniy*, t. 1–2, http://dic.academic.ru/contents.nsf/michelson_new/ (31.10.2018).
- Natsional'nyy korpus russkogo yazyka (NKRYA)*, www.ruscorpora.ru (31.10.2018).
- Trishin V. N., 2013, *Bol'shoy russkiy slovar' sinonimov ASIS*, <http://trishin.net/> (31.10.2018).
- Ushakov D. N., 1935–1940, *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4-kh tomakh*, <http://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (31.10.2018).
- Chernykh P. Ya., 2004, *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t.*, t. 1, Moskva.

“Speech memory” and spontaneous recurrence of the stylistic norm

The article documents cases of grammatical, phonetic and lexical “irregularities” occurring in modern Russian. The conclusions are based on analysis of the National Corpus of the Russian Language and internet queries. The author pays special attention to phrases indicating time relations: “for some time” / “after what time”. It is noted that there is an “older” and “younger” standard for using collocations with the lexeme „time” and prepositions, and the change in the norm resulted from the transition from treating space-time as an abstract, uniform chronotope to the idea of time as a discrete quantity, i.e. certain fragmented, countable sections (century, year, month, day, hour, minute, second). Research has shown that discrete forms denoting time began to dominate from the mid-nineteenth century, which is related to the changes in the image of the world taking place at that time. The old ways of speaking about time, however, still appear in modern Russian. The article shows that other lexical and inflectional archaisms (e.g. short forms of adjectives) are also returning to modern speech. This can be considered a manifestation of social linguistic

Stylistyka XXVIII

memory, which involves having the ability to recall and use old forms or meanings, according to norms that used to be applied in the past. The author proposes that this phenomenon be called “spontaneous recurrence of the norm”. It is claimed that such recurrence of the old norm may be caused either by speakers’ ignorance of the current norm or by their desire for a “retro” style that results from fashion or manners. It could also be a manifestation of “language refreshment” through the activation of speech memory, or retrieving former forms and old standards out of the “subconscious” of language users.

Keywords: *“speech memory”, space and time, recurrence of stylistic norm, “older” and “younger” norms, language culture, corpus analysis*